4-й ГОД ИЗДАНИЯ № 32 ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

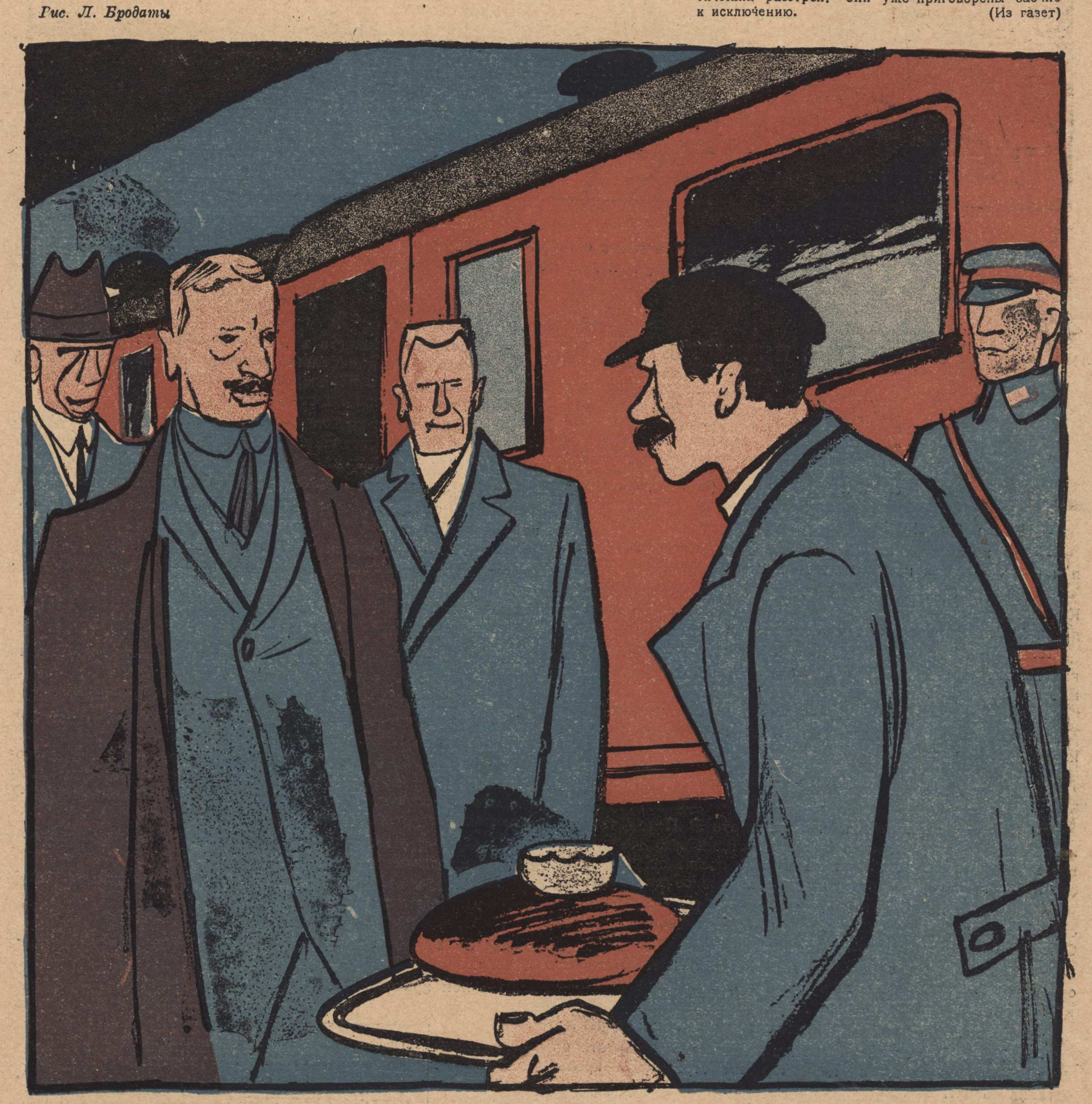
ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

АВГУСТ Ленинград, Просп. 25-го Октября, 88. Телефон редакции 5-49-78, конторы 1-38-90. 1926 ГОД

ХЛЕБ-СОЛЬ

Германским рабочим социал-демократам, участникам приехавшей к нам делегации, грозит высшая мера партийного наказания, своего рода политический расстрел: они уже приговорены заочно к исключению. (Из газет)

Рис. Л. Бродаты

Немецкий делегат — русскому рабочему: — За хлеб спасибо, товарищ, а насчет соли напрасно беспокоились — вернемся в Германию, нам насолят!

ВЕРХ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ

Рис. Б. Антоновского

— А вы что же с нами не едете?
— Не могу: я дал подписку о невыезде.

БРОНЕНОСЕЦ В ПЛАВАНИИ

Кино-цензура в Германии искромсала картину „Броненосец Потемкин“. Многие моменты совершенно изъяты, а другие искажены. В сцене наступления солдат на мирное население — не видно ни выстрелов, ни крови, а между тем люди неизвестно почему падают и солдаты наступают. (Из телеграмм ТАСС)

— Браво, браво!

— Ах, какая картина! Вы знаете, хэр Карл-Август-Амалия, я никогда в жизни не цензуровал лучшей картины!

— О, да! Она делает честь советской кинематографии. Какой грандиозный замысел, какое великолепное выполнение деталей! Мы, конечно, покажем ее нашим зрителям...

— Разумеется, мы ее обязаны показать. Германия должна видеть все лучшее, но... как бы это сказать? — картина немного длинновата.

— Да-да. Вы правы. Немецкому рабочему нельзя быть расточительным: время-деньги. Когда не имеешь второго, надо экономить первое.

* * *

— Но что за картина, что за картина! Положительно, не знаешь, какими сценами больше восторгаться! Например, вот эта: наступление солдат на мирное население. Солдаты, стрельба, кровь — это оставляет незабываемое впечатление.

— Должны ли мы оставить эту сцену, эту великолепную сцену? Стрельба, кровь и солдаты — не слишком ли много? Оставим одних солдат, без крови и стрельбы.

— Без крови и стрельбы?! Ах, Карл-Август-Амалия, вы, очевидно, хотите агитировать за Советскую Россию! Разве можно без крови и стрельбы?

— Можно. Ибо здесь не красноармейцы, а царские солдаты.

— Царские?! Вот оно что! Я, признаться, упустил это из виду. Тогда, разумеется, мы выбросим стрельбу и кровь, оставив солдат.

* * *

— Прелесть! Никогда в жизни я не видал ничего подобного! Смотрите, какие бравые молодцы эти солдаты царской армии! Они идут смело вперед — ейн, цвей, дрей — ейн, цвей, дрей... Все в порядке: ни стрельбы, ни крови...

— Однако же смотрите, — мирные люди бегут и падают, как будто под выстрелами. Что скажет зритель? Как ему объяснить?

— Но это же ясно. Народ всегда бежит, встречая войска.

— Но, смотрите, они взмахивают руками и падают ничком на землю...

— Что же удивительного? Разве вы не знаете русских дорог? Там на каждом шагу, так называемые, „дер ухабы“. Поневоле упадешь...

* * *

— Все, как нельзя, лучше! Картина стала вдвое короче и как от этого выиграла! Ничего страшного, ничего такого, от чего добрый немецкий рабочий не заснул бы ночью...

— Одно замечание, хэр Карл-Август-Амалия. Что вы скажете о названии: „Броненосец-Потемкин“?

— М-да... название. В нем есть что-то такое... ре-во-люционное. Я, признаться, упустил из виду. Может быть, выбросить „броненосца“, оставив „Потемкина“? Он все-таки-ж был фаворит русской императрицы Екатерины.

— Фуй! Что вы говорите, Карл-Август-Амалия! Можно ли порочить русский трон?!

— Но как же быть? Если мы выбросим и „броненосца“, и „Потемкина“, что останется?

— Останется даже больше, чем было. Смотрите.

С этими словами цензор положил перед коллегой листок.

На нем красовалось:

Лучшая фильма советского производства
ЯХТА «ТИХАЯ РАДОСТЬ»
Научно-видовая.

Азиат

КУРОРТОМАНИЯ

Все знали, что Аркадий Собаков затосковал, потому что ему не удалось поехать на курорт.

С самого рождества Собаков мечтал, как он поедет в Крым, или, например, в Сочи, и оттуда, сидя под каким-нибудь мудреным деревом, на котором растут ананасы и этакие платаны, будет писать домой письма.

И вдруг вместо ананасов и бездонного моря — дождь, помойная яма под окном, дачные переполненные поезда.

Тоска!

Жена Аркадия Собакова долго бегала по разным учреждениям и комиссиям и хлопотала, чтобы мужа отправили на курорт. Плакала, грозила, умоляла, доказывала, но ничего не помогло. Собакову дали 2-х недельный отпуск, но на курорт не послали.

Собаков лежал на кровати и стонал. А жена его уговаривала.

— На дачу поедем... гамак купим...

— К чорту! — отвечал Собаков и опять стонал.

— И что хорошего на этих курортах, — клопы...

— И пускай клопы!

На шестой день тоски Собаков ушел в пивную. Тогда жена решилась.

И вот, когда Аркадий Собаков пришел домой, пьяный от тоски и пива, он стал свидетелем, — и даже жертвой, — самых необычайных происшествий.

В передней он наткнулся на тяжелый, завязанный веревкой свой старый чемодан. Он не успел еще выругаться, как соседка по квартире Ольга Богдановна подхватила чемодан и, почему-то приветливо и радостно улыбаясь, заявила:

— Пожалуйте, гражданин Собаков, очень даже приятно. Сюда. Вот здесь вам отведен нумерок!

— Чего это? — ошалел Собаков.

— Хи-хи, — захихикала Ольга Богдановна, — сами не знаете, куда приехали. Это — Сочи, курорт. Вот ваш номер в гостинице „Грандотель". 5 рубликов в сутки — милости просим! Полотенце 30 копеек...

Собаков протер глаза и осматривался.

Странное дело! Он стоял в своей собственной спальне, но... это не была его спальня. В углу складная кровать, рядом — качающийся стол, 2 стула. Окно заставлено шкафом, — точно и нет окна, лампочка под потолком вывинчена.

— А окно что же? — спросил Собаков, думая, что все это происходит во сне.

— А зачем окно? На курорте это вовсе даже баловство. 5 рублей за сутки. Вот свечка — 25 копеек. Я зажгу, не беспокойтесь!

Его собственный чемодан стоял у кровати. Собаков машинально начал развязывать его.

Что за чорт! Все уложено — белье, новая летняя пара, сандалии, трусики. Какой странный сон!

Улыбаясь, Собаков разоблачился, влез в трусики и погладил себя дрожащими ладонями по груди. Сел на кровать и постарался проснуться. Но ничего не вышло.

Дверь приоткрылась, просунулась голова Ольги Богдановны и проговорила:

— Ежели желаете на пляж — вот сюды!

Ванна, знакомая ванна, где умывались все жильцы коммунальной квартиры, но — как она изменилась! Вода налита до краев, вокруг песок, в углу — пальма, а на ее плоских пыльных листьях — несколько яблок.

Собаков потоптался по песку и влез в ванну.

Яблоко качалось над ним.

— Это что? — спросил он Ольгу Богдановну.

— Не видите — это... артишоки!

— А где же ананасы? — строго спросил Собаков.

Ольга Богдановна обидно засмеялась:

— Нешто ананасы так рано поспевают. Они в декабре зреют!

— А это — яблоки? — хмуро сказал Собаков, пытаясь нырнуть.

— Артишоки! — строго повторила Ольга Богданова. И увидя, что мокрая рука Собакова тянется к пальме, предупредила:

— 3 рубля штука. Позвольте получить?

Собаков отдернул руку. Вдруг, сообразив что-то, он вскочил и стал в ванне:

— Эй вы! А за купанье тоже, поди, сдерете?

— За пользование пляжем — бесплатно, только курортный сбор потрудитесь уплатить — 20 рублей за сезон!

— Я, может, завтра уеду! — мрачно заявил Собаков.

Ольга Богдановна вздохнула:

— Это все едино — 20 рублей за сезон, а там хоть 2 часа живите!

Собаков вылез и покосился на Ольгу Богдановну:

— Вы бы вышли, я одеться желаю!

Ольга Богдановна спокойно расстегнула пуговицы на своем ситцевом платье, сбросила с ног шлепанцы и, тряся худыми плечами, спустила к ногам платье, оставшись в синем купальном костюме.

— Здесь, гражданин, общий берег! — сказала она обиженно. — Не нравится — не купайтесь!

Собаков плюнул:

— Тьфу!

И мокрый пошлепал в свой номер...

Странный удивительный сон продолжался.

На балконе, где солнце жарило так, точно оно было в заговоре с женой Собакова, стояли растения в кадках, — те самые, что обычно украшали комнату соседки-артистки. На листьях фикусов и пальм висели яблоки, огурцы и черешни. А под фикусом стола скамейка и на ней сидели двое: Ольга Богдановна в своем синем купальном костюме с синими от худобы голыми ногами, и какой-то неизвестный мужчина, сильно напоминающий дворника Игната, — в трусиках, с яблоком в руках...

— Сколько стоит этот... артишок? — хмуро осведомился Собаков, кивая на огурец.

— 3 рубля 50! — отрезала Ольга Богдановна и кокетливо обернулась к своему соседу в трусиках:

— Товарищ Вольдемар, нынче жара какая! Говорят, 300 человек от солнечного удара померши!

Собаков уныло поежился и присел на кончик скамьи.

Когда захотелось есть, Собаков потребовал обед.

— Станьте в очередь, — строго приказала Ольга Богдановна, — ваш номер 127-ой. Ждите. За обед потрудитесь уплатить вперед 1 рубль 20 копеек! Вот талон..

От солнца болела невыносимо голова. В номере было темно, душно и скучно, и даже днем кусались клопы. На море все время толкались Ольга Богдановна в противно-бесстыдном синем костюме, из которого торчали ее кости, и мужчина в трусиках, похожий на дворника Игната...

И за все драли втридорога: за обед, за мороженое, за марки, за полотенце. А бутылка пива — такого теплого, что от него тошнило, — стоила 75 копеек!..

Ночь была ужасна. Клопы, вообразив, что они, в самом деле, в курортной гостинице, кусались с остервенением, злобно, как собаки. Было нестерпимо душно. Где-то совсем близко играли на гитаре, и тягучий голос Ольги Богдановны до самого утра бубнил за стеной:

— Ах, оставьте ваши уверенья! Все мужчины обманщики и алиментщики! Я восторгаюсь природой: посмотрите, какая луна глядится из этого моря! Ах!..

Собаков ворочался на узкой, скрипучей кровати, давил в темноте клопов и вздыхал:

— Чорт!...

А утром, вызвав Ольгу Богдановну, сказал:

— Я сейчас уезжаю! Пропадите вы пропадом с вашими курортами!

Он уложил чемодан, ругаясь и торгуясь, расплатился за номер, постельное белье и свечку и неуверенно спросил:

— Ну, куда идти?

Его ввели в темный чулан около уборной, втолкнули туда с чемоданом и заперли. Через дверь Ольга Богдановна сказала:

— Поезд отправляется на Москву. Ежели будете, гражданин, высовываться, или окурки бросать на пол — имейте в виду: штраф 10 рублей!

— Ладно, везите! — злобно ответил глухой голос Собакова. — Черти проклятые!..

Э. Гард

СЕМЕЙНОЕ СЧАСТЬЕ

По новому проекту квартплаты дополнительные комнаты в Ленинграде будут предоставляться спецам и тяжело больным. (Из газет)

Рис. Б. А.

— Везет же Бултыхиным из пятого номера: старший сын у их падучий, второй почками который год мается, а девчонка в последнем градусе чахотки. Ведь, три лишних комнаты, мать моя, им полагается!..

„НА ОКРАИНЕ ГДЕ-ТО ГОРОДА...“

Рис. Б. Малаховского

Зачастую милиция не в силах справиться со все растущим хулиганством. (Из газет)

Милиционер: — Ми-ли-ци-о-не-е-е-е-е-ер!!!..

ЧЕЛОВЕК НА ПРИРОДЕ

Тишь... Жара... Часы покоя...
Солнце. Сосны. Лоно вод.
На песочке: волховстройщик,
Кочегар и деловод.

Я уселся с ними рядом,
Скинул брюки и курю,
Дружелюбным теплым взглядом
На купальщиков смотрю.

Первый рек: — Дела плохие...
Что с того, что вид хорош,
Если водная стихия
Пропадает ни за грош?!

Кочегар поведал хмуро:
— Жаль... Погодка подвела —
Вот сюда-б температуру
Настоящего котла!..

Деловод, юнец ледащий,
Молвил:—Августом дышу,
День входящий в исходящий
С болью в сердце заношу.

Три курортника со стажем,
Жажду мысли утолив,
Пробежали желтым пляжем
И нырнули в Фин-залив.

А во мне, при всем народе,
Мысль суровая росла:
Человеку на природе
Не уйти от ремесла!..

Александр Флит

ОПЫТНЫЙ МЕДИК

— Я, брат, в медицине сейчас себе здорово руку набил!

— Где-же вы учились?

— А нигде! Просто пятого доктора за диагноз на комиссиях калечу.

ПРЕИМУЩЕСТВО

— Что же это, батюшка, у вас в кооперативе цены выше, чем у Иван Фролыча.

— Выше, гражданочка, зато—твердые.

НОГИ И РУКИ

— Пронырливый парнишка этот Бучкин! Одна нога—здесь, другая—там!

— Подумаешь! А у меня одна рука здесь—в тресте, а другая там—в центре!

ФОРМЕННЫЙ ДУРАК

Митрошка Кренделев приезжал в город плотничать.

Работали как-то на бойке свай, а вечером плотники и говорят Митрошке:

— Ну, ты, Воронежская губерния, — знаешь, что подле тебя лежит?

Глянул Митрошка.

— Нет, — ответил, — не знаю.

— Это, — говорят, — баба.

— Ды ну?

— Ей, право. Так эта трамбовка называется, и ею завтра будем сваи заколачивать.

Понравилось это Митрошке чёрти-как, нарочно лег спать подле чугунной бабы, а наутро в деревню отписал, дескать, живем помаленечку, ничего себе, но только соблазнов много, — вот, скажем, нынче с бабой спал и дальше еще думаю спать и баба эта такая, что ее за рубль за двадцать не купишь, а цена ей по урочному положению сорок целковых.

Ну, чего, спрашивается, глупость такую написал? Бахвалился дурак, хотел дома нос утереть, — дескать, вот я какой, вот как я бабьи сердца в городе покоряю.

Было это летом в прошлом году, а этим летом приезжает в деревню такой жучок-вредитель и прямо к Митрошке.

— Не вы ли, говорит, прошлое лето в губернском городе Воронеже у инженера путей сообщения Бориса Александровича гражданина Стоянова сваи били?

— Мы, — ответил Митрошка, а у самого сердце так и оборвалось.

— Так-с, — еще страшнее заговорил жучок, — не вы ли в сарае с бабою одной спали?

— Мы, — ответил Митрошка, а у самого уже зуб на зуб не попадает.

— Ну, так вот я доверенное лицо этой бабы. Поздравляю вас, родился ребенок и вылитые вы.

— Что вы говорите! — пролепетал Митрошка, а у самого ум за разум заходит.

— Я, — объяснило доверенное лицо, — вашу радость понимаю, но тая самая баба уполномочила передать вам, что ежели вы внесете мне сорок пудов ржи, то ребеночка можно на другого родителя переписать.

Засосало у Митрошки:

— Многоуважаемое доверенное лицо, — застонал он, — почему же это я в родители попал? Хучь инженера путей сообщения Бориса Александровича гражданина Стоянова спросите, — сколько эта баба в сарае лежала и сколько в том сарае и плотников и щикатуров жило? Неужели один я за всю артель ответчик?

— Увы, — ответило доверенное лицо, — никаких артелей я не знаю, а ваше письмо к дражайшим родителям вот оно, а в нем вы форменно бахвалитесь. И письмо это будет у товарища народного судьи фигурировать, как обличающий вас документ.

Задрожал Митрошка.

— Как, — лепечет, — это облегчающее меня письмо попало к вам?

— Очень, — говорит, — просто. Роковой случайностью родитель ваш обронил, а я поднял. Сами понимаете, — никто своего счастья ломать не станет.

Собрал Митрошка все свои силы и пошел к отцу.

— Так и так, — говорит, — дорогой папаша, потеряли вы мое прошлогоднее письмо...

— Не терял, а жулики в городе с кисетом украли.

— Все это одно-едино, но только через него наступила роковая расплата. Так оно и эдак. Пойдите, поторгуйтесь, — может, что из сорока пудов сбросит.

Выругал папаша Митрошку, но к жучку-вредителю вышел и действительно — половину выторговал: вернул ему жучок за двадцать пудов ржи обличительное письмо.

И только это жучок уехал, — у Митрошки в голове проясняться начало.

— Папаша! — заорал он, — бежите в милицию, может, жулика задержим!

— Какого же ето жулика? — затревожился папаша.

— Такого самого, что от бабы действовал! Не мог он от нее действовать, потому баба-то это — чугунная!

— Как чугунная? — завопил папаша.

— А так, обнакновенно! Сваи мы этой бабой забивали!

— Да как же ты, осина, отцом признал себя?

— Папаша, со страху! А страх прошел, думаю, как же ето чугунная баба и родила! Дорогой папаша, бежите в милицию! Может, это доверенное лицо на поезд опоздало!

Но тут же скис:

— Не надо, папаша... Не бежите... Ну ее... Может, и правда, родила...

Так двадцать пудов хорошей ржи, — зерно к зерну, — и пропали...

Мораль? О, мораль будет непременно, не для шутки я пишу фельетоны...

Я был вчера в суде... И видел там, как припаяли одного к алиментам... Милый мой судья, кто заступится за нас, слабых, обиженных мужчин?.. Кто?

Евграф Дольский

К ЖИЛКРИЗИСУ

Рис. А. Радакова

Много ли человеку жилплощади нужно? — Стал ногой на чужую голову — и конец!

Рис. Б. Малаховского

В ОЖИДАНИИ

— Ванюха, стой здеся на регистрацию брака, а я покеда займу очередь на запись рождений...

НАРУШЕНИЕ КАНОНА

Ограбив ризницу святого Николая,
Счастливый тать
Хотел уж свой улов на рынке забодать,
Как вдруг, оскалясь и залаяв,
На шею бросилась ему ищейка злая —
Пришлося божье богови отдать...
Явился поп, пришел и член двадцатки.
И вот, заполучив спасенные монатки,
Крестяся, рек служитель алтаря:
„Ну, господу благодаря,
А такожде, конечно, и собачке,
Уберегли мы нынче от заначки
Сие имущество небесного царя.
Но како мог ты, сыне,
Предерзостной рукой
Коснуться в алтаре божественной святыни?
Помимо прочего — пред богом грех какой!“
Вор слушал и сказал: „Отец, не шебарши,
Пускай я обречен на-веки злому мраку!
А вы-то сами хороши? —
Пускаете в алтарь собаку!“

Аполлон Густомазов

СВОБОДНАЯ ПРОФЕССИЯ

У Плуталовой улицы тоже были свои две достопримечательности: кривой домишка с садиком вдовицы Капитолины Ивановны и местный, собственный хулиган Витька, он же „Пробочник“.

Хулиганская жизнь—известная, „обнакновенная“, а вот паралична старушка Капитолина была особа загадочная, и профессия у нее была таинственная. Пока ходила с саквояжиком, была она акушеркой и свахой, а нынче, безногая, села в свое кресло на колесиках, выписала к себе сестрицу, бывшую монашенку Таисию, и словно контору открыла. Ходят к ней разные жители, все больше из „бывших“, обшарпанные, в заплатанных калошках, кофеи распивают, шушукают по секрету...

А откуда у старушек божьих деньги на базар—про то и соседкам невдомек.

А на прошлой неделе, вечером, случилось с ними нехорошее.

— Кто там? — спросила Капитолина Ивановна.

— Гости! — ответил Витька-Пробочник, взял из рук перепуганной Таисии лампочку и вошел в комнату.

— Очень приятно! — улыбнулся гость. — Я к вам на минутку, по маленькому дельцу. Скажите, мадам, где у вас часики ваши, колечки, сувенирчики разные?

— Здесь, — ласково ответила Капитолина Ивановна и похлопала по своему животу, прикрытому полосатым одеялом.— Все в мамон пошло. Все давно уже съедено. Позавчера последнюю ложку суповую продали и хлебушка да картошки купили... Если не верите—поищите! Таисия, передай им ключи!

— Тэ-эк-с .. — протянул сквозь зубы Витька.

— Может, одеженкой нашей не побрезгуешь?—ухмыльнулась старушка. — Только соболей да лисиц у нас нету...

— Ну, — перебил гость, — поговорим, старуха, по-другому!

Вытащил наган и курком щелкнул. Таисия шарахнулась к двери, а Капитолина Иванозна засмеялась тихонько и весело, точно ее пощекотали.

— Ох, господи, владыка милостивый! Уморил ты меня! Без пули уморил! Пистолетом меня пугать вздумал! Да я тебе, батюшка, ручки расцелую! От моей-то жизни да смерти бояться? Второй год сижу, как истукан, без ноги, без руки. О-хо-хо! Стреляй, батюшка, стреляй на здоровье! Тут я, перед тобой сижу, никуда не двинусь. Только, может, впервой еще кровь-то прольешь... Всю свою жизнь опоганишь. А за что, спрашивается? Возьми-ка лучше ключи да поищи! Сапожонки мои где-то были, крепкие еще. Мне-то они не нужны теперь. А пистолетик-то свой спрячь! Спрячь от греха!

Витька искал долго и усердно. Открывал все шкафы, рылся во всех сундуках, вспарывал подкладку старушечьих шубенок, обшарил все углы, но добыча его была невелика. Только всего и унес он, что подстаканник погнутый, полусапожки Капитолины Ивановны, да еще муфту ее, старинную, кенгуровую.

А когда ушел по-хорошему и завернул уже в переулок — услышал он звон разбитого стекла и пронзительный вопль:

— Караул! Ограбили! Держите их, держите!

Через час вся улица знала подробности ночного нападения на бедную, убогую Капитолину. И в эту страшную ночь сестры не ложились. До утра у них горел огонь. Таисия долго вози-

лась с разбитым окном, затыкая его подушками, потом вздула самоварчик, и сестры мирно поужинали.

— Чернила-то есть у нас? Садись-ка письма писать Первым делом, пиши Марье Николаевне, — приказала Капитолина, и, глядя на огонек лампочки, стала диктовать:

„Вчерашней ночью посетило нас горе тяжкое. Пришли к нам гости нежданные, разбойники-душители с ружьями, с кинжалами... ворвались в кухню, все разломали, все пограбили. Бог с ним, с нашим скарбом старушечьим! Мне, убогой, ничего уже не надобно, да и век-то мой уже недолог, укоротили его гости вчерашние, не глядя на болезнь мою, били меня, терзали, словно великомученицу... Но пуще всего убивает меня, что не уберегла я ваше добро. Все унесли, окаянные!“

Капитолина Ивановна подумала с минутку.

— Теперь пиши Семену Иванычу:

„Чуяло мое сердце, глубокоуважаемый Семен Иванович, когда я долго не уступала желанию вашему, не решалась я принимать вещи ваши. Вспомните теперь, как вы тогда меня уговаривали, никто, мол, на меня, больную, старую женщину, не подумает. А вот, нашлись же лихие люди...“

До утра горела лампочка. До утра грамотейка Таисия плела паутинку свою.

Сонная Таисия складывала письма „секретками“.

— В обед разнесешь, — приказала Капитолина Ивановна.

— А перво-на-перво — забеги в милицию, заявку сделай.

Уже укрываясь своей шубенкой, уже закрывая глаза, Таисия задала последний вопрос:

— А что, если не поверят?

— Ну, так что-ж? — усмехнулась в темноте Капитолина Ивановна. — Все равно — промолчат. А нам, убогим, паренек-то этот с пистолетиком — заместо ангела с небеси!

Арк. Селиванов

СТАРЫЙ ЗАКАЛ

Надеждинский завод заготовил для железных дорог новые рельсы. На-днях Московско-Казанская дор. заявила НКПС, что из 100 километров проложенных новых рельс, свыше 15% приходится выбросить из-за негодности прокатки. Вместо новых рельс перекладываются старые, бывшие в употреблении и оказавшиеся лучше новых. (Из газет)

Рис. Б. Антоновского

— На этом участке как рельсы?
— Самые надежные: почитай, с японской войны не менянные!...

ЖЕРТВА ГРАДУСОВ

Рис. Н. Радлова

— Что вы лежите, гражданин?
— С-с-солнечный удар ..
— Так-с. А под глазом почему пятно? Солнечное, что-ли?

40 ЛОШАДЕЙ и 8 ЧЕЛОВЕК

СТРОИТЕЛЬСТВО НА СЕЛЕ.

„Уральский Рабочий" рассказывает:

В селе Арамили, Свердловского округа, на площади поставлен бюст, напоминающий произведение времен египетских фараонов. На вделанной в мрамор чугунной доске можно прочесть:

ОСНОВОПОЛОЖНИК НАУЧНОГО СОЦИАЛИЗМА
КАРЛ МАРКС
1818—1889
Построен 1923 г. 7-го ноября.

Итак, арамильцы «построили» Карла Маркса в 1923 году; ухлопали на уродливый бюст деньги, и никому в голову не пришло, что лучше было бы построить вместо бюста одну избу-читальню!

Много бюстов в провинции, но мало голов!

ВОРОБЬИНЫЕ НАПАСТИ.

Удивительная жизнь на Востоке! И люди удивительные, и зверь, и птица — не нашинские, российские, а совсем особенные. Взять хотя бы, к примеру, случай, рассказанный „Правдой Востока":

На материальных складах Хлопкома в г. Намангане, по акту заведывающего, воробьи и голуби склевали 10.000 килограммов пшеницы. Эксперты этот акт приняли. В настоящее время у того же зава обнаружена недостача 3-х вагонов жмыха. Какая птица съела жмых?

Любая саранча—собака перед этаким воробушком; недаром в Намангане говорят: „Стреляного воробья на пшенице не поймаешь!"

Сядет на чем нибудь другом. С вылетом из Хлопкома и изоляцией.

КООПЕРАТИВНЫЕ ВСХОДЫ.

Хорошо подготовилась Томская кооперация к своему „Дню": „Красное Знамя" пишет:

Наше ГОРПО накануне дня кооперации распродало довольно приличную по весу партию... испортившихся дрожжей. Результат получился блестящий. Помимо увеличения расхода на муку по причине порчи гнилыми дрожжами теста, «благодарные» хозяйки и их мужья в день кооперации с энтузиазмом отзывались о «плодотворной» работе нашей кооперации и наших «вумных» кооператоров, беспрерывно поминая не только имена их самих, но и всех родственников их, преимущественно по материнской линии.

Вряд ли на гнилых дрожжах поднимутся акции томских кооператоров.

„Обидно... досадно": „Дни" за „Днями" катятся, покупатель тратится, а сибирский ядреный частник ухмыляется в таежную бороду: такой враг не страшен, такую кооперацию заместо пельменей проглотить можно!

БАННОЕ ДЕЛО В ПРОВИНЦИИ.

Банный вопрос—один из основных вопросов коммунального хозяйства. Нет ничего удивительного в том, что председатель Союза Коммунальщиков г. Мценска, по словам „Орл. Правды", занялся банной проблемой:

Наспиртотрестившись до соблазнительных видений, захотел он претворить их в реальные образы. Веселыми ногами пришагал в женскую баню. Было это около 10—11 часов вечера, в бане еще мылись женщины. Вломился он в баню, но, встреченный дружными атаками женщин, вооруженных шайками с горячей и холодной водой, вынужден был отступить до порога.

Дальше отступать не захотел. Гордость в нем заговорила. Лег в проходе и заявил, что больше отступать не будет. Потом переменил решение и укрепился на другой позиции — за банным котлом.

Женщины ушли, а пред остался сидеть в бане до утра. Его закрыли на замок.

Спрашивается: кто „поддаст пару" гражданину председателю? И у кого в руках хороший профсоюзный веник?

ХУДАЯ ТРАВА В ПОЛЕ.

В целом наш Комсомол здоров, но в комсомольской среде все же наблюдаются и нездоровые течения, на которые, к сожалению, местные контрольные органы не обращают должного внимания. Во влад. газете „Призыв" печатаются выдержки из письма-жалобы комсомольца:

Один товарищ-комсомолец из стаи лакинской молодой гвардии (при фабрике им. Лакина, ст. Ундол) пишет в редакцию «Призыв» жалобное письмо.

Товарищ сетует на несознательность некоторых членов ячейки: во время доклада об английской забастовке одна из комсомолок подала на стол председателя записку:

«Ваня, зачем нам здесь томиться и слушать, что делается в Англии? Пойдем лучше в аллейку и—что... сам знаешь... там будет. Нюра».

Надо полагать, что Ваня-председатель устоял перед соблазном и не покинул председательского стула.

Товарищи владимирцы, которые взрослые! Обратите внимание на худую траву, которая может засорить свежевспаханное поле Комсомола!

САМАРДКАНДСКАЯ РАБОТА.

„Правда Востока" рассказывает, как живет и работает столь высокое учреждение, как Самардкандский Облисполком. Сначала важные вопросы:

— Слушали: доклад Обзема о состоянии посевов и перспективы урожая. Постановили: за неявкою докладчика доклад не слушать, а перенести. Слушали: утверждение хозплана на 1926-27 г., доклады: о деятельности земельно-водной комиссии, о состоянии виноградного хозяйства, о работе комиссии содействия сельскому хозяйству.

Постановили: за неявкой докладчиков перенести на следующее заседание".

А затем:

— Дорогие товарищи! Сейчас нам предстоит заслушать «заключение Обфо за № 10/15.814 на разрешение президиума ОИК по вопросу о возврате переплаченных трех рублей сорока трех копеек администрацией артистов коллектива безработных».

Здесь члены исполкома ожизились и единогласно подняли руки Жарища—60°, а люди работают и не спустя рукава, а в областном масштабе!

Во всякую мелочь вдаются, да так, что ни взад, ни вперед—так в мелочах и увязли.

СЕМЕЙНАЯ ДРАМА

Объявление из „Тихоокеанской Звезды" (Хабаровск):

Моте Розенфельд и сыну Алеше Кудрину. Прошу не быть жестокими, вернуться в Томск или сообщить свое местожительство. Папа М. КУДРИН.

Отряхнули ли означенные молодые люди со своих ног „прах старого мира", пустились ли на Алданские золотые прииски, сводят ли личные счеты с папашей—неизвестно.

Может быть, Мотя и Алеша не читают „Тихоокеанской Звезды"?

Во всяком случае, они обязательно читают **„Смехач"** (на 1 мес.—60 к., на 3 мес.—1 р. 70 к.), и мы дадим несчастному отцу возможность прижать к сердцу любимого, но заблудшего сына!

ЧАСТУШКИ С БЫТОВЫМ УКЛОНОМ

Вот, деваханьки, лафа-то!
Подцепила Дунька фата:
На концерте встретила,
Через год обтретила.

С Ванькой мы телес не мыли
(Каждый с пьянки недвижим),
Соблюдаем мы на мыле —
Экономии режим...

Я иду, шаги так гулки
И в башке с похмелья гул,
Прописал мне врач прогулки,
Зав уволил за... прогул.

Шел я полюшком, тропою,
Повстречался с шантрапою:
Отобрали-б то и се,
Хорошо, что пропил все...

Мих. Андреев

ДИАГНОЗ

— Ээ... у батьки моего здоровье железное...

— Какого железа? Если такого, как у нас в кооперативе, так его и на одно лето не хватит!..

„АРТИСТ"

— А какие у вас новые инсценировки в клубе?

— Да вон на днях клубный казначей инсценировал нападение и кражу денег.

ШКОЛЬНОЕ

— Если пять госмагазинов разделили поровну между собой 5000 метров сукна, то сколько метров получится в частном?

Нэпаченок:—В частном? Если вы говорите про частный магазин, то там получатся все 5000 метров, только с некоторой надбавкой!

ДОСУЖИЕ МЫСЛИ

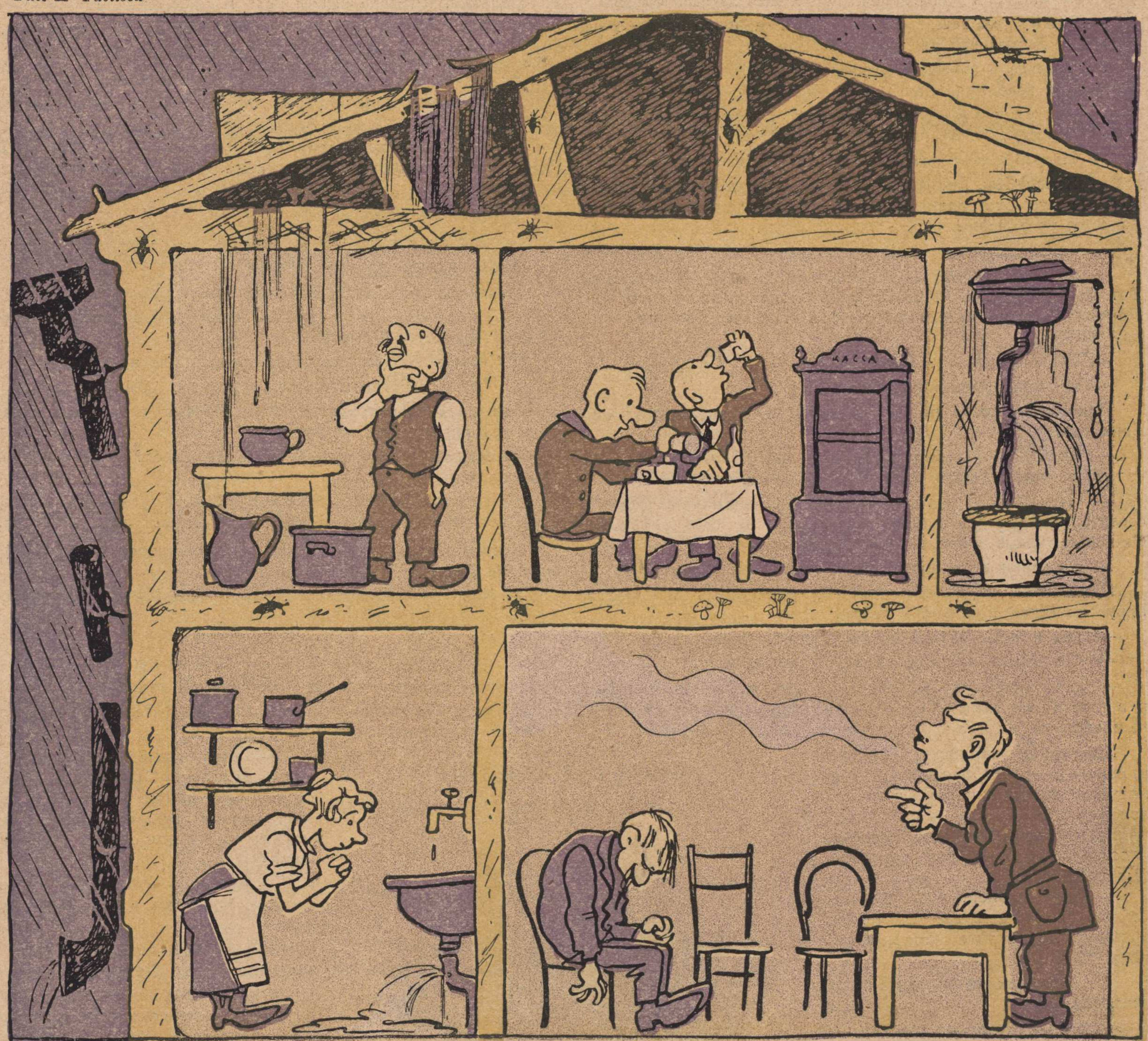
Чтоб избежать служебных драм
И не попасть вдруг на задворки,
Кури начальству фимиам,
Но *не кури* при нем... махорки.

Все ясно с первых слов уже,
И мысль подать в двух строчках можно:
Писать не сложно *про „ТЭЖЭ"*,—
Стать „*протеже*" у зава... сложно.

К. Ш.

ТЕКУЩИЕ ДЕЛА

Рис. Н. Радлова

„Все течет"—сказал когда-то древний философ, стоя под дождем. И, действительно,—течет милые. Возьмем любой домик в разрезе. Крыша течет, потому что жидкая крыша. Трубы протекают, но ведь на то они и водопроводные. Какая-нибудь касса, и та — чем больше выветривается и сохнет, тем больше подмачивает репутацию кассира. Что ему остается? Ничего иного, как с горя налиться вдребезги.

И даже домовое собрание, как видите, протекает отлично при любом числе собравшихся. И воды у докладчика, — хоть отбавляй!

ВЫИГРЫШ

Присыпкина свирепо погрозила сковородой в дверь, за которой слышался богатырский храп.

— Ну, обожди, чорт сопатый! Отоспись только, я те покажу!

В эту минуту заявилась соседка, и, поймав грозные слова Присыпкиной, шопотом спросила:

— Кого это вы благословляете, Марь Семенна? Муженька, что ли?

— Обоих чертей! С жильцом, с Ерофеевым, гулял, а тепеpечи оба—в повалку, без задних ног. Но довольно, хватит! Я эту язву, Ерофеева, в два счета с квартеры вон! Он, язва сибирская, моего мужика с толку сбивает! Пущай проваливает на все четыре!

— И правильно, матушка! Давно вам толковала: гоните Ерофеева! Пьяница, а от пьяницы, кроме беспокойства, никакой приятности. А жильца всегда найдете! Угол у вас хороший и даже с мягким креслом. Пустым не простоит. Можно найти какого-нибудь тихого постояльца, например—старичка. Старички—тихие.

— Пущай только очухается!—решительно подтвердила Присыпкина: — Забирай монатки и — со двора!

— А много-ль у его вещей?—поинтересовалась соседка.

— Какие там вещи! Тьфу! Шапка да пальтишко. Ежли только и последнего не пропил сегодня.

За дверью, в комнате, послышалось кряхтенье—и вскоре выглянула взлохмаченная голова самого Присыпкина.

— А! Вот и вы!—ехидно сказала Присыпкина.—Добрева утра! Хорошо ли спать изволили?

— Марья! Квасу нет ли?—хрипло спросил Присыпкин.

— Квасу? Как же, пожалуйте! Пожалуйте, ваше благородие! Для вашего благородия—и квас, и ананас! А сковородой по роже не хочешь?

— Завела музыку!—добродушно проворчал Присыпкин.

— Ах, вот как? Музыку? Под мою музыку напляшетесь! Вот те моя музыка: чтобы Ерофеева моментально с квартиры! Понял? Жилец, нечего сказать! Пьянствует, за квартиру не платит!

— Твоя печаль—ты и гони!—отмахнулся Присыпкин.

— И сгоню! Моментально!

Присыпкин молча прошел к столу, сел и вытащил из кармана газету.

— Читатель!—злобно кивнула на него Присыпкина.—Ты, читатель, кверх ногами газету-то не держи, с пьяных глаз!

— Нехорошо, Николай Иваныч!—укоризненно сказала соседка: — Вяжетесь с пьяницей и сами на себя непохожи. Смотрите, какое у вас выражение на лице!

— У свиньи и то благородней!—съязвила Присыпкина.

Присыпкин терпеливо молчал, уткнувшись в газету. Вдруг он встал и пошел к двери.

— Так и есть! Запись соответствует!—бормотал он.

— Что такое?—насторожилась Присыпкина.

— А то такое, что вот тут, на дверке, номер занесен, и в газете—он самый. И выходит—тыщу рублей самым законным образом выиграл Андрюшка Ерофеев! Тыщу! Ах, ты!

Присыпкин заморгал, крякнул и, швырнув газету, бросился в комнату, где покоился пьяный счастливец.

На мгновенье и Марь Семенна, и соседка застыли, как пораженные громом.

— Тыщу рублей! — охнула соседка — Вот те фунт! А может, вранье? Посмотрите-ка газетку, Марь Семенна!

Но Присыпкина и сама уже схватила газету.

— Ну? — торопила соседка. — Какой номер на дверях?

— Серия вторая, номер 4718.

— А в газете?

— Серия вторая, номер 4718. Тыща рублей! Они самые!

Соседка снова ахнула и вдруг почему-то перекрестилась.

— Господи! Вот ведь штука! То ничего, а то—тыща рублей! Это-ж сила, богатство! И кому—пьянице, дураку!

— Тсс! Тише вы!—испуганно косясь на дверь, зашипела Присыпкина: — Неровен час, услышит такие слова!

— Ну, и что ж! Вы же его все равно с квартиры сгоните...

— Что вы, что вы!—замахала руками Присыпкина.—Такого человека, при деньгах—с квартиры! Да разве я враг себе?

За дверью слышался голос Присыпкина, вперемежку с бормотанием Ерофеева.

— Ах!—воскликнула Присыпкина:—Никак проснулся!..

В ту же секунду в дверях показался Ерофеев, подпираемый сзади, для прочности, Присыпкиным.

— Вот и мы, капиталисты!—торжественно объявил Присыпкин. — Бабы, смир-рна! Во фрунт!

Но бабы и без команды вытянулись в почтительных позах.

— Пить охота...—икнув, сказал Ерофеев.

— Чичас, Андрей Миколаич!—метнулась стрелой Присыпкина и подала Ерофееву кружку кваса.—Кушайте, Андрей Миколаич!

Фыркая, Ерофеев выпил квас и сплюнул.

— Твой номер на дверях?—ткнул пальцем Присыпкин.

— Мой,—ответил Ерофеев.—Мой номер. Мово билета.

— А вот он и в газете пропечатан. Пожалуйте!

— Проздравляем, Андрей Миколаич!—в голос сказали бабы.—С достатком вас, Андрей Миколаич!

— Вот здорово!—заорал Присыпкин.—Ну, и выпьем же мы на радостях! Вынимай билет, айда за деньгами в банку!

— Сейчас вымем.

Ерофеев полез за пазуху.

— Вот он, билет! Сейчас вымем.

Бабы глядели во все глаза.

Пошарив за пазухой, Ерофеев сунул руку в карман.

— Билет вот он, в полной форме, без жульничества. В счет заработной платы...

Он вынул книжку, заглянул в нее—билета не было.

— Сейчас достанем билет... Как же! Он тут...

Вывернул по очереди карманы. Оттуда посыпались табачные крошки. Билета не было.

— Может, скрозь штаны в сапог попал? — предположил Присыпкин.

— Может, в сапог,—сказал Ерофеев и, усевшись на пол, стал стягивать сапоги.—Билет, конечно, вот он...

Пошарил в сапогах, потряс их, голенищами вниз. Но билета не было.

— Коля!—неожиданно закричал он.—Коля! Последнюю полдюжину мы пили?

— Ну, пили.

— Коля! Ударь мене в несчастную морду! Коля! Я за ту полдюжину билетом платил! Собственной рукой!

И снова на мгновенье все застыли. Первой очухалась Присыпкина, Марь Семенна.

— Так!—сказала она. — С чем и поздравляем! Стало быть, тыща рублей за пиво пошла? И вот что, нечего тут сидеть-рассиживаться на чужом полу! Забирай монатки и...

— Коля! — всхлипывал Ерофеев. — А как же в банк, за деньгами?

— Без билета не дадут, ей-богу!—ошалело сказал Присыпкин.

— Коля! А ежели номер показать? Ежели (он покосился на дверь), ежели дверку с номером принесть?

— Как же! Так тебе и дадут, пьянице, чужие двери сымать! — шипела Присыпкина.

Ерофеев всхлипнул и принялся утирать глаза голенищем сапога.

Ив. Прутков

НОВОЕ В ЗООЛОГИИ

Рис. Н. Р.

Моск. Промбанк истратил 6 тыс. руб. на самопишущие ручки.

ДИКОБРАЗ ПО-КАНЦЕЛЯРСКИ.

БЛАГОДАРНОЕ ПОТОМСТВО

. . . . доска из мрамора, находившаяся на фасаде дома, где проживал баснописец Крылов, упала и разбилась на несколько кусков, один из которых был приспособлен под доску для умывальника.

«Красная Газета»

— Нет, жена, что ты ни говори,— рассуждал водопроводный мастер Иван Пупов, прилаживая к умывальнику кусок мраморной доски,—а и в прежнее время были хорошие обычаи, дай им бог здоровья!

— Какие же это такие хорошие? Тоже скажешь...—фыркнула жена.

— А вот хоть, к примеру, доски эти самые... Жил, скажем, в доме какой-нибудь сочинитель или ученый; никому от него ни света, ни радости. Он, может, и за квартиру не платил, а как помер— сейчас ему на память доску: „Здесь помер и жил такой-то и такой-то“. Читайте и удивляйтесь! И дому украшение, и покойнику удовольствие, и всем от этого лестно.

— Дурак ты, потому тебе и лестно! Какой-нибудь там стишки сочинит—ему доску, а ты вон целый век скрипишь да коптишь, а как помрешь—никакой доски тебе не будет.

— А на кой мне ее ляд мертвому-то? Шубу, что ли, мне из нее шить? Я и чужой доской очень много доволен. Был дедушка Крылов — был и весь вышел, одна от него доска осталась. Она висела—дом обозначала, а как оторвалась и разбилась—к нам на умывальник пошла. А другой кусок я в уборную на пол положу: там пол прогнил—лужи такие, что и не пройдешь, а с доской на манер тротуара—интеллигентно... Как же такой обычай не похвалить? Что бы мы теперь без крыловской доски делали?

— Нечего сказать, расщедрились буржуи проклятые! Человек трудился - трудился и ничего кроме камня не заслужил. Не могли они ему хоть серебряную доску повесить!

— Правильно, жена, правильно! А для Крылова не то что серебряной, а и золотой доски не жаль... Ты только то подумай: будь доска золотая, да попади теперь нам от нее хоть маленький кусочек—что бы это было! Это уж не умывальником пахнет, тут не то что умывальник, а всю уборную, со всеми удобствами, ванну бы целую соорудить можно было... А уж поминки бы какие я этому самому Крылову справил—в гробу бы он у меня от радости перевернулся!

— Поминки, поминки... Тебе бы только пить!

— Ради Крылова и выпить не грех... Ну—готово! Ванька, сукин сын! Подь сюды, смотри и учись: „Здесь жил Иван Андреевич Крылов“, а здесь крантик и вода текёт—значит, долой неграмотность! Басню прочти и из дедушки умойся... И ежели же ты теперь с грязным рылом ходить будешь—значит, ты самое неблагодарное потомство, хуже буржуя выходишь и ты мне на глаза тогда лучше не попадайся! Ну, а теперь — марш в пивную! Родитель для твоего образования постарался, постарайся и ты для родительского удовольствия: тащи пару пива! Выпью за дедушку Крылова!

Нур

РАЗНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

— Наш кооп запасся товарами на будущий год. Мы, знаете ли, всегда вперед смотрим!

— Это-то и плохо, что вы всегда смотрите вперед: кооператив должен оборачиваться!

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

56. Москва, Ю. Кушниру. „Взрыв энтузиазма“ хорош, но может быть превратно истолкован читателем. Шлите еще.

57. Москва, Реелакину.

«Тяжко стало мне от незримых мук,
От гримас разделившей нас дали...
Листик с листиком, ветка с веточкой,
Дождь с деревьями—все целовались;
Мушка к мушечке, пташка к деточке,
Даже к рельсам травинки прижались.
Сгрудясь кучками, облака плывут,
Чахлый клен притулился к забору,
Ухажер-петух топчет куру, плут!
Я-ж—один, словно столб семафора!

Утешьтесь: со столбом—вас двое!

58. Изюм, Харьк. губ, Г. Разум—ну. Вы пишете о своем герое: „И все-таки во-время умер упокойничек, царствие ему небесное“.

Нет, не во-время умер. По размерам нашего журнала покойничку умереть самое время на второй странице рассказа, а не на 14-ой.

59. Свердловск, В. Э. „Неприятная история“—на наш взгляд и глупая история: люди не топятся так, как вы придумали.

Попробуйте сами — на практике.

60. Коканд, Ш—ву. Без заглавия — это еще пол-беды — хуже, что и без содержания.

61. Ракитное, Курск. губ., И. Кравцову. Недоставленные вам №№ „Смехача“ высылаются. А куда девались высланные— не знаем. Во всяком случае, на дороге не валяются: хорошую вещь всегда поднимут!

62. Новороссийск. Горемычному.

„В Матмладе есть инструктор Волков
Очень уж приличный...“
Увы! Там же —
Есть поэт Горемычный,
Очень уж горемычный.
Одним словом, дорогой уж, длинно и плохо.

Ив. Пр.

Издатель „ГУДОК“. Ответственный редактор **А. С. Андрейчик.**

Ленинградский Гублит № 19772. Гос. тип. им. тов. Зиновьева. Ленинград, Социалистическая, 14. Заказ № 3571. Тираж 80.000.

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ

Рис. Б. Антоновского

Из числа державших экзамены в ленингр. ВУЗ'ы не выдержали испытания 70 процентов. («Красн. Газ.»)

Профессор — в представлении срезавшегося.

Срезавшийся — в представлении профессора.